

26 СЕНТЯБРЯ 1981 г. ● № 224(9343)

ПОСТУПЬ ИСТОРИИ

Николай Кочин — писатель, которого по праву можно назвать одним из патриархов советской литературы. Роман «Десяти» (первая часть) увидел свет в 1923 году; автору его в то время было двадцать шесть лет. И все еще было впереди — муки творчества, борьба, признание, сама жизнь, сама история страны... Но и в двадцать шесть была прожита огромная жизнь, ибо уже с шестнадцати лет Николай Кочин связал свою судьбу с революцией. И сегодня, накануне своего восьмидесятилетия, писатель так же страстно предан идеалам своей молодости, как и шестьдесят лет назад.

Свидетельство тому — последний, только что вышедший в Москве роман «Семен Пахарев», завершающий известную кочинскую тетралогия («Гремечная поляна», «Юность», «Нижегородский откос»). В предисловии «От автора», написанном к роману «Юность», писатель сделал драгоценное признание, которое, как мне кажется, играет роль более важную, нежели вступление к одному роману:

«Я не мог не написать эту книгу. Это было приказанием сердца».

Я не считал необходимым рыться в архивах, использовать книжные воспоминания, штудировать исторические фолианты. Я опирался только на личный опыт. Когда ни одна книга для писателя не замесит личного опыта, так же как откровенность есть такой источник поэзии, которого не заменить ни одним вымыслом. Правда жизни добывается в горниле самой жизни».

Читателю, хорошо знакомому с творчеством Николая Кочина, это признание, бесспорно, представит лейтмотивом художественных исканий прозаика, его своеобразный эстетический кредо. В критике уже не раз отмечались признаки автобиографичности в произведениях Кочина. Но, как известно, опыт опыту рознь. Счастливая писательская (и бытийственная) судьба Николая Кочина определяется прежде всего замечательным совпадением истории его частной человеческой жизни с историей первого в мире социалистического государства. И в этом смысле автобиографизм сочинений горьковского прозаика приобретает черты подлинной типичности и глубины социально-исторических обобщений.

Особенно явственно этот синтез «протыкается» в тетралогии. Действительно, история жизни Семена Пахарева, героя всех четырех романов Кочина, предстает перед нами не только как индивидуальная (но и индивидуальная тоже!) судьба отдельного человека, но и как судьба целого поколения, взявшего в свои руки судьбу революции и строительство социализма в стране, впервые за всю историю человечества покончившей с классовым неравенством. Путь, пройденный деревенским парнишкой, как говорится, от сохи, к вершинам современного знания (в третьем романе Семен Пахарев — студент вуза, а в четвертом — преподаватель обществоведения, директор школы) — сам по себе исторически типичен. Но и неповторимо своеобразен, ибо пропущен сквозь личный опыт писателя, сквозь «горнило самой жизни».

Несколько недель назад, перечитывая роман «Юность», я вновь была увлечена силой страсти этой по-своему уникальной книги, ее правдивостью, достоверностью свидетельств непосредственного участника событий и суровой трезвостью, преданностью истине зрелого, возмужавшего автора, который сумел искусной рукой мастера оживить юные годы своего героя (и свои, и свои — тоже!) и юные годы своей республики, создать нетленный рукотворный образ Времени, которое уже никогда не повторится...

Последний роман тетралогии

«Семен Пахарев» также по-своему интересен. Хотя и по-своему спорен. Вопреки сложившемуся в критике этикету, начну, пожалуй, с того, что, при всем своем уважении к писателю, никак признаться не могу. Так, мне показалась надуманной и даже в какой-то степени мелодраматичной сюжетная линия, связанная в романе с неожиданной (прежде всего для самого героя, а затем и для читателя) возлюбленной Семена Пахарева, Людмилы Львовны, бывшей дворянкой, а ныне «светской львицей» небольшого уездного городка, где и разворачиваются события.

Книги наших земляков

Впрочем, замысел автора понятен — герой интересуется его не как вполне сложившейся личностью, а как человеком в своей бытийственной, нравственной эволюции, со своими ошибками, противоречиями и заблуждениями. Конечно, житейская зрелость Семена Пахарева (не в пример его зрелости социально-политической) оставляет желать лучшего, но в таком случае вряд ли позицию автора можно считать до конца последовательной — уж очень быстро и почти безболезненно излечивается герой от своей первой любви.

С точки зрения художественной логики не вызывает сомнения и нравственное перерождение Людмилы Львовны в конце романа. Можно назвать и иные просчеты в сюжете романа. Например, смерть учителя Афонского не получила достаточного резонанса в событиях романа, в поведении его действующих лиц; не вполне выписана и сюжетная роль Петеркина, троцкиста и тайного гонителя героя — притом Петеркин скорее подан описательно (или в перечислительном варианте, или в диалогических схватках), нежели в действии.

Вообще следует отметить, что роман насыщен идейно-политическими диалогами, спорами. С одной стороны, это необходимо, ибо воспроизводит реальную духовную атмосферу середины 20-х годов (действие в романе происходит в период 1924—1926 годов); но, с другой стороны, споры эти все же слишком раздуты, а некоторые (например, разговор Людмилы Львовны с мужем, когда она убеждает его действовать против Пахарева) вообще неоправданно пространны.

И все же я полагаю, что в затянутости диалогов вину должны поделить пополам автор и редактор. Отмечу, кстати, из рук вон плохую редакторскую работу над текстом романа, о чем свидетельствуют довольно многочисленные стилистические огрехи романа. Конечно, когда мы читаем, предположим, такую фразу: «Он слышал, как билось ее сердце, как бушевало ее прерывистое дыхание» (стр. 402), мы вправе предъявить претензии автору. Но и в меньшей степени — редактору.

Все это вместе взятое, конечно, ослабляет впечатление от романа, но, разумеется, не зачеркивает его эстетической и идейной значимости. Основное достоинство романа «Семен Пахарев», как и прежних произведений Николая Кочина, определяется прежде всего высокой степенью достоверности, истинности изображений эпохи, ее социально-нравственных коллизий. В центре внимания писателя — жизнь советской школы первой половины двадцатых годов, жизнь неустойчивая, противоречивая, едва-едва становящаяся.

Личность главного героя Семена Пахарева также предстает многомерной. В романе «Нижегородский откос» ректор института, физик и философ профессор Зильберов, педагог в лучшем смысле этого слова, дает восемнадцатилетнему Семену такую характеристику, начиная ее, так ска-

зате, от противоположного: «Признак испорченности в юноше — ничему не удивляться. Он везде ищет не красоту и истину, а ошибки. Он еще не жил, не работал, не видел ничего, а уже занят отысканием ошибок у людей, созданных миром... А этот (т. е. Семен Пахарев — Г. Е.) полон благоговения перед тайнами мира».

Зильберов не ошибся — его ученик Семен Пахарев пришел в школу, чтобы создать новый мир. Конечно, он уже не тот неуклюжий в книжных науках юноша, каким был шесть лет назад, но все так же он твердо и страстно верит в истину социалистической революции, притом верит не умозрительно, а со свойственным ему здравым смыслом, опираясь не на начитанные знания, поверхностно усвоенные из книжной премудрости, а на практическое знание жизни и на доверие к человеческому в человеке, а в человеке — школьного возраста — тем более.

Глубоко и исторически верно написана Кочинным главная конфликтная ситуация: конечно же, основной конфликт романа не в столкновении Пахарева с недобрым троцкистом Петеркиным или с дутым начальником убого Арионом Борисычем, а в столкновении героя с обывательской, бездумной средой провинциального городка, в которой, как в капле воды, отразились косные силы среднего, мелочного большинства России, еще только вступающей на путь строительства социализма.

Конфликт в романе разрешается оптимистически, что, конечно, соответствует исторической правде, но, может быть, подано автором не совсем художественно, ибо «подталкивает» его на положительные рельсы новый секретарь убого Тарасов, персонаж, мало объясненный писателем и потому не вызывающий особого эстетического доверия.

Надо сказать, что многие действующие лица, представляющие тот необходимый жизнеподобный фон, на котором действуют главные герои, несомненно, удались автору: среди них могу назвать, например, учителя рисования, ироничного скептика и в то же время предельной честности человека Василия Филипповича; резкую и справедлившую уборщицу Марфушу; сторожиху Варвару с ее неповторимым народным юмором и умением смотреть в самую суть вопроса; учителя физкультуры, местного Хлестакова Коко, хозяйку дома, где живет Семен Пахарев, бывшую монашку Серафиму с ее хитроватым простодушием...

Роман «Семен Пахарев» многогранен. Его можно прочитать как роман об идеологической борьбе 20-х годов. И это будет справедливо. Его можно прочитать как роман о становлении советской педагогики. И это будет справедливо. Его можно прочитать как роман о воспитании души первого поколения советских людей. Здесь мы не погрешим против истины. Его можно понять как живое свидетельство жизни молодой Советской России. Но ведь его можно (и нужно) прочитать еще и как роман о социалистической морали, о человечности и совести, долге перед Родиной и перед ее самыми юными жителями — детьми. И тогда «Семен Пахарев» перешагнет за свои историко-временные границы и вплотную приблизится к заботам дня сегодняшнего, когда проблемы нравственности стали центральным объектом внимания партии и общественности.

Роман закончен и увидел свет. Последний роман тетралогии, последний роман кочинского эпоса, посвященный Семену Пахареву. Теперь, оглядывая целиком все сделанное художником, можно с уверенностью сказать: его муза, возникнув у истоков частной, отдельной жизни, успела поступь самой истории, истории страны, народа.

Галина ЕГОРЕНКОВА.